

ком информации о культуре. Распространение явления исторической реконструкции имело чрезвычайно большой потенциал для социокультурной сферы. Историческая реконструкция может выступать инструментом, с помощью которого осуществляется модификация музейных практик. В последние годы наблюдается устойчивая тенденция к появлению театрализованных представлений, которые оживляют работу музейных учреждений. Актуализация исторической реконструкции приводит к формированию фестивалей, связанных с историческими боями. Они привлекают внимание к военному делу и истории, сочетая интегративную, познавательную функции, а также выступая частью досуга.

Ключевые слова: историческая реконструкция, музей, фестиваль, культура, досуг, визуальные практики.

УДК 336.74:737](476)(091)

К. И. Шталенкова, магистр социологии, докторант программы по философии, ассистент Академического департамента гуманитарных наук и искусств Европейского гуманитарного университета, ул. Савичяус, 17, г. Вильнюс, 01127, Литва
kseniya.shtalenkova@ehu.lt
ORCID iD 0000-0003-1880-3007

ЗОЛОТОЙ СТАНДАРТ НАЦИИ: ЗНАЧЕНИЕ ПЕРСОНИФИКАЦИЙ В ДИЗАЙНЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ВАЛЮТ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

В статье рассматривается значение персонификаций в дизайне национальных валют Восточной Европы в XIX–XXI вв. Указанный регион представляет особый интерес как пространство пограничья с активной символической борьбой на политическом, социально-экономическом и культурном уровнях. Дизайн денег является идеологическим инструментом, связанным с формированием коллективной культурной традиции и исторической памяти, а процесс разработки национальных нарративов чувствителен к актуальным, в условиях которых он формируется. На основе визуального анализа денежных знаков, обращавшихся в обозначенный период на территориях Беларуси, Литвы, Польши, России и Украины, автор делает вывод, что персонификации государств используются только в дизайне денег Российской империи и Польши времен диктатуры Ю. Пилсудского. Остальные изображения людей преимущественно делятся на две категории: известные исторические деятели-мужчины либо аллегорические женские фигуры, репрезентирующие патриархальные ценности.

Ключевые слова: белорусский рубль, гривна, дизайн денег, идеология, историческая память, лит, национальный нарратив, персонификация, польский злотый, российский рубль.

Постановка проблемы. Появление человека на деньгах имеет комплексное значение как с технической стороны, так и с символической. Специфика человеческого глаза в том, что он лучше распознает именно изображения людей, кроме того, портрет является одним из самых сильных средств защиты от подделок [4]. Что же касается символического аспекта, то размещение определенных портретов на деньгах с античных времен [26, р. xviii] связано с очерчиванием границ власти и предпосылкой для ее установления. Одним из примеров здесь является отождествление личности властителя и божества-покровителя или героического предка, каковыми являются, например, изображения Александра Македонского в образе Геракла, что служило способом легитимации власти его преемников [17]. В более поздние времена используются и персонификации определенной локации или сообщества, которые воплощают идею о единстве и независимости [25, р. 21–25], их примерами является богиня Рома, олицетворяющая Рим и Римскую империю [25, р. 25], Британия как символ времен Римской империи, возрожденный во времена расцвета Британской империи [25, р. 19], и один из наиболее популярных примеров – Марианна как персонификация Французской Республики. В последнем случае это уже не столько закрепление нерушимости власти определенного лица, сколько сплочение широкого круга индивидов, основанное на распознавании образа и самоидентификации с визуализированной абстрактной идеей, которая представляет такое сообщество. То есть через персонифицированный образ сообщества, каковым является и персонификация государства, возникает формирование коллективной культурной традиции и исторической памяти, а также происходит разделение коллективного опыта посредством визуальной коммуникации через деньги как идеологический инструмент. Данный аспект требует рассмотрения в перспективе визуальных культурных исследований, поскольку отсюда возникает возможность проследить, каким образом дизайн нацио-

нальных денег реагирует на события в политическом, социально-экономическом и культурном поле конкретных государств и регионов.

Анализ исследований и публикаций. Одним из первых исследователей, которые обратили внимание на визуальный аспект денег, является Г. Зиммель, который в своем труде "Философия денег", впервые опубликованном в 1900 г., рассматривает материальность денег в категориях эстетизации социальных практик [28]. Зиммель отмечает, что видимые формы позволяют постичь деньги как абстрактную идею, однако с развитием и интеллектуализацией социальных отношений вещественный характер денег приобретает всё более условные черты, стремясь к своей идеальной форме. Однако Зиммеля скорее интересует психология социальных отношений, устанавливаемых посредством денег как медиа, в то время как В. Беньямин в 1928 г. пишет в "Улице с односторонним движением" [13, р. 96], что необходимо осуществить описательный анализ банкнот, хотя в их дизайне он видит лишь мифологизацию капитализма, не усматривая политических коннотаций. Далее визуальный аспект денег на долгое время оказывается недооцененным исследователями, однако с развитием культурных и визуальных исследований в 1980–1990-е гг. дизайн денег становится перспективным объектом анализа. Так, в своей книге 1995 г. М. Биллинг рассматривает его как одно из проявлений "банального" национализма [14], а в 1999 г. международная команда исследователей выпускает сборник, посвященный вызовам, с которыми сталкиваются национальные валюты на рубеже третьего тысячелетия [21]. Среди материалов, представленных в данном сборнике, также есть статьи, фокусирующиеся на дизайне денег как идеологическом инструменте. Эта исследовательская перспектива была продолжена в анализе репрезентаций женских образов в дизайне американских денег XIX в., осуществленном К. МакГинли в 1995 г. [19], а также в исследовании Э. Хеллэйнера 1998 г., посвященном соотношению

дизайна национальных валют и репрезентаций национальных идей [15]. Данные тезисы были продолжены в книге этого же автора, опубликованной в 2003 г., представляющей анализ предпосылок к возникновению и преобразованию национальных валют в Западной Европе и Северной Америке [16]. Можно также назвать несколько статей, представляющих методологический инструментарий по анализу дизайна денег, среди них важное место занимает исследование Дж. Лауэра 2008 г. об американском долларе как средстве массовой коммуникации [18], где автор интерпретирует тезис Зиммеля, который также анализировался Хелллайнером, о том, что деньги способны формировать чувство квазирелигиозной веры благодаря символам, которые использованы в их дизайне. Другим примечательным исследованием, рассматривающим дизайн денег, является статья Й. Пенроуза 2011 г., где рассматриваются банкноты, выпускаемые коммерческими банками Шотландии, что позволяет говорить о горизонтальных отношениях в вопросе формирования образа нации [23]. Разумеется, данный обзор не является исчерпывающим, поскольку в последнее десятилетие появляется всё больше материалов, исследующих значение дизайна денег, однако подавляющее большинство таких работ посвящено денежным знакам, циркулировавшим ранее либо и в наши дни в Западной Европе и Северной Америке. Вместе с этим статей, посвященных анализу денежных знаков Восточной Европы в области визуальных культурных исследований либо в междисциплинарной перспективе, на данный момент крайне мало, хотя этот сектор постепенно заполняется. В данном поле можно отметить статью С. Кузнецова 2006 г. о символике денег и историческом сознании Украины, Литвы и Беларуси [5], а также статью О. Головашиной и А. Линченко 2017 г. о феномене исторической памяти в репрезентациях денег Австро-Венгрии, Германии и Российской империи [3]. В моей книге о трансформациях в дизайне денежных знаков, находившихся в обращении на белорусских территориях в 1917–2016 гг., и отображении в их национальных нарративах идеи белорусскости я также провожу компаративный анализ современных денежных знаков Беларуси, Литвы, России и Украины [12],

однако вопрос о персонификациях обозначенных государств, используемых в дизайне их национальных валют, ранее не рассматривался.

Целью статьи в ключе вышеизложенного является попытка определить, какие персонификации используются в дизайне национальных валют Восточной Европы как пространства пограничья, которому присуща активная символическая борьба в XIX–XXI вв. Проанализированы будут денежные знаки, находившиеся в обращении в указанный период в пределах территорий современных Беларуси, Литвы, Польши, России и Украины. Основной фокус исследования направлен на портретные изображения людей, однако под персонификацией в данном случае в первую очередь подразумевается аллегорическое изображение государства.

Изложение основного материала исследования.

Так как основным средством коммуникации через деньги как медиа в XIX в. являлись рубли Российской империи, то наиболее распространенными персонификациями в данный период стали образы, которые использовались в национальных нарративах именно этой валюты. Среди них правители предыдущих эпох, преимущественно из династии Романовых, наибольшую степень аллегоричности приобретают фигуры Петра I и Екатерины II, а единственной непосредственной персонификацией является дева-воительница на банкнотах в 5, 10 и 25 рублей серии государственных кредитных билетов 1892–1895 гг. Наиболее интересной является банкнота в 25 рублей [9, с. 142] (рис. 1), где, кроме традиционного царского костюма с характерной государственной атрибутикой и оружием, у ног персонификации также появляются дети, что акцентирует коннотации с репродуктивными силами и намекает на образ России-матушки. Следует отметить, что в это время на части территорий Польши и Украины, входивших в состав Австро-Венгрии и Германии, в обращении находились деньги этих империй. Что касается их репрезентаций, то в первом случае это были преимущественно изображения людей в национальных костюмах [24, р. 82–84], а во втором – аллегории и персонификация империи Германия [24, р. 482], однако данные примеры и географически, и политически всё же выходят за пределы Восточной Европы.

Рис. 1. Государственные кредитные билеты Российской империи образца 1892 г., 25 рублей [9, с. 142]

В XX в. с возникновением новых государств после Октябрьской революции 1917 г. в обозначенном регионе появляется ряд национальных валют, хотя здесь есть и некоторые исключения. Например, в первые годы советской власти в Российской Советской Федеративной Социалистической Республике (РСФСР) рассматривался проект отказа от денег, который свидетельствовал бы о полной победе коммунистических идей, однако на практике эта программа оказалась неосуществимой. В свою очередь, Белорусская Народная Республика (БНР), провозглашенная 9 марта 1918 г. и установившая свою независимость 25 марта 1918 г., не успела ввести собственные деньги, по крайней мере на данный момент конкретная информация об этом отсутствует. В декабре 1918 г. Минск, столицу БНР, заняла Красная армия, а 1 января 1919 г. уже была провозглашена Социалистическая Советская Республика Белоруссия (ССРБ), в которой обращались денежные знаки РСФСР. Вместе с этим соседние Украина, Литва и Польша выпускают собственные деньги, в том числе имевшие обращение и на белорусских территориях, которые в этот период неоднократно оказывались под влиянием соседних государств.

Так, на бумажных карбованцах Украинской Народной Республики (УНР) выпуска 1917–1918 гг. изображены молодые крестьяне. Следует отметить, что появ-

ление обычных людей на деньгах в начале XX в., и особенно после Первой мировой войны, в противовес правителям или аллегориям, стало общеевропейским трендом, однако наиболее яркие примеры появились в дизайне денег стран с социалистическими движениями. В этих государствах такой паттерн приобретает значение подтверждения правдивости повседневности [25, р. 34], в рамках которой даже обычные люди могут появиться на национальных деньгах, что в свою очередь как будто указывает: власть в социалистическом обществе действительно принадлежит людям, а не ограниченному кругу правящей элиты. Интересно, что на карбованцах УНР изображена пара из женщины и мужчины, где на первом плане в профильном портрете изображена именно женщина, а в панорамном изображении эти фигуры занимают равнозначные позиции, что, вероятно, соотносится с идеями о равенстве полов. Вообще, деньги УНР в смысле визуальных композиций оказываются наиболее инклюзивными и равновесными среди аналогов этого периода в Восточной Европе: так, в дизайне 100 карбованцев 1917 г. [9, с. 451] (рис. 2) надписи на украинском, польском и идиш образуют треугольник, где не возникает доминирования только одного языка, как в случае с расчетными знаками РСФСР 1919 г., к примеру.

Рис. 2. Карбованцы УНР 1917 г., 100 карбованцев [9, с. 451]

На литовских литах 1920–1930-х гг. на монетах и на банкнотах изображены некоторые реальные исторические деятели разных эпох: великий князь Витовт, закрепляющий коннотации с Великим княжеством Литовским (ВКЛ), а также А. Сметона как соучредитель Литовской Республики. На банкнотах также изображается Й. Басанавичюс и сцены Грюнвальдской битвы. Однако в основном репрезентации на бумажных литах, также как и на карбованцах УНР, связаны с изображениями крестьян – мужчин и женщин – либо аллегорий, среди которых преобладают женщины. Чаще всего им сопутствуют изображения детей, соотносящиеся с материнскими коннотациями. Наиболее эмансипированным оказывается изображение статуи

Свободы, установленной в Каунасе, в виде женщины с крыльями и флагом на банкноте в 20 литов образца 1930 г. [24, р. 710]. Вместе с этим гербом Первой Литовской Республики стала Погоня (Витис), которая вновь отсылает к контексту ВКЛ и могла бы рассматриваться как своеобразная персонификация Литвы. Однако всадник на коне остается без конкретного имени и других идентификаторов, которые позволили бы отнести его именно к этой категории образов.

В свою очередь, репрезентации польских денег связаны с изображениями конкретных исторических личностей, наиболее популярными среди которых до 1922 г., в период обращения польских марок, являются королева Ядвига и Т. Костюшко. Далее в дизайне поль-

ских злотых, введенных в 1923 г., и особенно с установлением диктатуры Ю. Пилсудского в 1926 г., начинают использоваться портреты других исторических деятелей. Кроме того, популярность обретают аллегории наук, искусств и отраслей промышленности, при этом женские образы, как аллегорические, так и реальные, обычно изображаются с детьми, как и на литовских литах. Это в особенности парадоксально выглядит на банкноте в 20 злотых 1931 г., выпущенной к 100-летию восстания 1830–1831 гг. с портретом Э. Плятер, а также на этой же банкноте образца 1936 г. в обновленном

дизайне, где рядом с портретом Плятер размещена Матка Польска [20, str. 216–217, 220–221] (рис. 3). Дело в том, что Плятер поэтизируется как полковник-девица, мифологизируется ее девственность и непорочность, однако появление ее портрета с образом матери встраивается в патриархальную систему ценностей как символ неделимости польского государства [11]. На монетах кроме портрета Пилсудского также используется женский образ, который в разных источниках может определяться либо как королева Ядвига, либо как персонификация нации – Полония [22, str. 26–27].

Рис. 3. Польские злотые образца 1936 г, 20 злотых [9, с. 419]

Что касается репрезентаций советских денег, которые находились в обращении на территориях Беларуси, Литвы, России и Украины до 1991 г., то, несмотря на некоторые проекты с изображениями женщин, где совмещается образ матери и прогрессивной ударницы [9, с. 25], на официальных деньгах были изображены исключительно мужчины, в том числе и на советских бумажных рублях 1923, 1924 и 1938 гг. с героями из народа. Другим популярным объектом дизайна советских денежных знаков являются портреты В. Ленина, который изображен на различных выпусках денег с 1937-го по 1991 г. Примечательно, что его образ трансформируется от реалистического до монументального, он также может быть рассмотрен не просто как репрезентация легендарной фигуры, но и как персонификация советского государства, построения новой эпохи и отдаленного наступления "счастливого будущего". Хотя в последних выпусках эти изображения приобретают почти комические характеристики из-за лубочных шрифтов. В национальных нарративах польских денег этого периода в разные годы появляются либо изображения обычных людей, которые позднее приобретают практически аллегорический статус благодаря монументализации, либо, начиная с 1966 г., изображения известных польских исторических деятелей [24, p. 849–851].

Обращаясь же к современному контексту, следует отметить, что с распадом СССР в 1990-е гг. в регионе вновь появляется ряд новых национальных валют, но изображение портрета на деньгах не всегда оказывается актуальным средством конструирования национальных нарративов независимых республик. В первую очередь по той причине, что ограниченный круг лиц, использованных в серии денежных знаков, не позволяет включить множественность культурного дискурса конкретного государства. Так, в Беларуси портретная концепция – например, невведенная серия белорусских рублей 1994 г. с писателями и просветителями [6], а также проекты талеров с историческими деятелями [10] – уступает нейтральным репрезентациям зверей, а в дальнейшем архитектурного наследия, что стало своеобразным канонем в дизайне белорусских рублей. Впрочем, здесь следует сделать оговорку: выпущенные в 1992 г. расчетные билеты с изображениями зверей всё же являются денежным суррогатом, поскольку бе-

лорусский рубль как национальная валюта и единственное законное платежное средство на белорусских территориях на законодательном уровне закрепляется лишь в 1994 г. [7]. Это объясняет, почему дизайн белорусских рублей довольно долгое время оказывался настолько аполитичным в отличие от валют соседних государств, которые, напротив, стремились использовать наиболее яркие визуальные и концептуальные средства для своих национальных нарративов с тем, чтобы отделить их от советских репрезентаций. Вместе с этим серия памятных монет, выпускаемых Национальным банком Республики Беларусь, достаточно широко освещает тему знаменитых белорусов. Однако в связи с тем, что памятные монеты имеют гораздо более узкую аудиторию, нежели деньги для обращения, отсутствие портретов в дизайне белорусских рублей по-прежнему остается поводом для критики образа национальной валюты Беларуси [1].

В данном контексте интересно рассмотреть сувенирные монеты-талеры кибергосударства "Вейшнорья", которое возникло изначально как интернет-мем [30]. В дизайне этой серии, выпущенной в 2018 г. [8], используется портрет Т. Костюшко, который является не только польским, но и белорусским национальным героем, и этот дизайн может рассматриваться как пример попытки конструирования альтернативного символического пространства с рядом квазиисторических установок, где фигура Костюшко может надеяться чертами персонификации такого пространства. При этом интересно, что для этих сувенирных монет выбран именно Костюшко, а не тот же К. Калиновский как более популярная фигура, с которой ассоциируется белорусская независимость, особенно в 2017–2019 гг. в связи с найденными на горе Гедимины в Вильнюсе останками Калиновского [2].

Что касается современных украинских гривен и литовских литов, то в обоих случаях в дизайне национальных валют используются портреты исторических личностей, преимущественно мужчин с некоторыми исключениями, как Л. Украинка или Ю. Жемайте, которые очерчивают национальный нарратив каждого из государств, обращаясь к тем периодам, которые представляются золотым веком в истории обоих государств, однако персонификации в полном смысле этого слова

не используются. Тем не менее в Литве с 2015 г. вместо литов имеют хождение евро, в обновленной серии которых использован стилизованный портрет мифической Европы с античной вазы, хранящейся в Лувре [29]. Таким образом происходит включение литовского дискурса в общеевропейский, который очерчивается географически, хронологически и политически. Вместе с этим Польша закрепляет серию новых злотых с репрезентациями польских королей, на банкнотах для обращения используются изображения только королей-мужчин, а единственная женщина-правительница, королева Ядвига, появляется только на памятных банкнотах 2011 г. Современные российские рубли вместо портретов исторических личностей используют изображения их памятников, как в случае Петра I, Ярослава Мудрого и М. Муравьева-Муромского, что дополнительно монументализирует эти фигуры. Также на памятных банкнотах, посвященных Олимпийским играм 2014 г. и чемпионату мира по футболу 2018 г., соответственно, изображены сноубордист и Л. Яшин с мальчиком, причем фигуры сноубордиста и мальчика выглядят довольно обобщенными, последний также повернут к зрителю спиной.

Вывод. Таким образом, среди национальных персонификаций, которые использовались в репрезентациях национальных валют Восточной Европы XIX–XXI вв., можно выделить только три непосредственных случая: Россия-матушка в виде воинственной девы на банкнотах Российской империи 1892 г., Матка Польска на бумажных польских злотых 1936 г. с портретом Плятер и Полония (Ядвига) на польских монетах периода диктатуры Пилсудского. Другим примечательным символом является фигура Ленина на советских деньгах, которая из исторической персоналии превратилась в образ-легенду, обозначающую не только эпоху, но и идею. Другие изображения людей делятся по двум категориям: изображения конкретной исторической личности, среди которых в основном появляются мужчины, в то время как большинство аллегорий и других абстрактных фигур представлены женщинами. Интересно, что в последнем случае в основном акцентируются традиционные женские роли и стереотипы, то есть такие репрезентации на деньгах Восточной Европы чаще всего связаны с воспроизведением патриархального взгляда на фигуру женщины. Это не позволяет ей приобрести такое же значение, какое имеет, например, французская Марианна, которая стала революционным образом в истории национальных персонификаций в связи со своей эмансипированностью. С одной стороны, это женский образ, воплощающий античные республиканские идеалы свободы, а с другой – Марианна оказывается национальным образом женщины из народа, наделенной силой и способной запускать динамику социальных отношений. Вместе с этим можно сказать, что актуальность национальных персонификаций в Восточной Европе постепенно уменьшается в контексте глобализации и дематериализации денег, в связи с чем уменьшаются и выразительные возможности визуального дизайна. Что же касается такого примера, как образ Европы на обновленной серии евро, то он скорее свидетельствует о дальнейшем кризисе общеевропейских репрезентаций, которые продолжают тенденцию абстрагирования образов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Боны, талеры, пракапейки: беларускія грошы, якіх не было і ня будзе [Электронный ресурс] / Радые Свабода. – Радые Свабода, 2015. – Режим доступа: <https://www.svaboda.org/a/27347582.html>.
2. В Вильнюсе найдены останки Кастуса Калиновского. С точностью 95 процентов [Электронный ресурс] / Новости TUT.BY // TUT.BY, 2019. Режим доступа: <https://news.tut.by/culture/630511.html>.

3. Головашина О. Разменивая прошлое: историческая память, деньги и национальная идентичность в Российской империи и Центральной Европе во второй половине XIX – начале XX вв. / О. Головашина, А. Линченко // *Bylye Gody*. – 2017. – Вып. 46. – № 4. – С. 1433–1442.
4. Киселева Е. Таких денег мир еще не видел [Электронный ресурс] // Водяной знак. – 2006. – Режим доступа: <http://www.vodyanoznak.ru/magazine/33-34/634.htm>.
5. Кузняцоў С. Сімволіка грошаў: фінансы і гістарычная свядомасць Украіны, Літвы і Беларусі / С. Кузняцоў // *Палітычная сфера*. – 2006. – № 7. – С. 54–62.
6. Легендарные банкноты со Скориной и Богдановичем [Электронный ресурс] // Белорусская бонистика. 2018. – Режим доступа: <http://belbonistika.com/?p=7176>.
7. Масько И. Белорусскому рублю – 25! / И. Масько // *Банковский вестник*. – 2019. – № 9. – С. 65–72.
8. Памятная манета Тадэвуш Касцюшка [Электронный ресурс] // Нацыянальны банк Вейшнорыі, 2019. – Режим доступа: <http://nbnv.by/etk>.
9. Орлов А. Бумажные денежные знаки в Беларуси / А. Орлов. – Минск: Минская фабрика цветной печати, 2008. – 696 с.
10. Свой рубль лепшы, чым нечы [Электронный ресурс] / Радые Свабода. – Радые Свабода, 2016. – Режим доступа: <https://www.svaboda.org/a/svoj-rubiel-liepsy-cym-niechy-liavon-bartlau/27795467.html>.
11. Филипович Х. Дочери Эмилии Плятер / Х. Филипович // *Женщины на краю Европы* / ЕГУ, ред.: Е. Гапова. – Минск, 2002. – С. 334–350.
12. Шталенкова К. Деньги и идеология: [R]эволюция белорусскости длиной в 100 лет / К. Шталенкова. – Вильнюс: ЕГУ, 2018. – 298 с.
13. Benjamin W. One-way street and other writings / W. Benjamin. – London : NLB, 1979. – 393 p.
14. Billig M. Banal nationalism / M. Billig. – London : Sage Publ., 1995. – 200 p.
15. Helleiner E. National currencies and national identities / E. Helleiner // *American Behaviour Scientist*. – 1998. – Vol. 42, № 10. – P. 1409–1436.
16. Helleiner E. The making of national money: territorial currencies in historical perspective / E. Helleiner. – London : Cornell University Press, 2003. – 296 p.
17. Kakavas G. Hellenistic royal portraiture on coins / G. Kakavas // *Pergamon and the Hellenistic kingdoms of the ancient world* / Metropolitan Museum of Art, eds.: C. Picon, S. Hemingway. – New York, 2016. – P. 70–76.
18. Lauer J. Money as mass communication: U.S. paper currency and the iconography of nationalism. / J. Lauer // *The Communication Review*. – 2008. – Vol. 11, № 2. – P. 109–132.
19. McGinley Ch. Coining nationality: race and gender in late 19th century American monetary and literary texts / Ch. McGinley. – Riverside : University of California, 1995. – 234 p.
20. Miłczak Cz. Katalog polskich pieniędzy papierowych od 1794 / Cz. Miłczak. – Warszawa : Centrum Warszawski Numizmatyczny, 2002. – 492 str.
21. Nation-states and money: the past, present and future of national currencies [ed.: E. Gilbert, E. Helleiner]. – Amsterdam : Psychology Press, 1999. – 240 p.
22. Parchimowicz J. Katalog Monet Polskich / J. Parchimowicz. – Szczecin : Wydawnictwo NEFRYT, 2017. – 360 str.
23. Penrose J. Designing the nation. Banknotes, banal nationalism and alternative conceptions of the state. / J. Penrose // *Political Geography*. – 2011. – Vol. 30, № 8. – P. 429–440.
24. Pick A. Standard catalog of world paper money: general issues / Iola: Krause Publications, 1994. – 1088 p.
25. Ranciere J. The politics of aesthetics. The distribution of the sensible / J. Ranciere. – London : Continuum International Publishing Group, 2004. – 116 p.
26. Sear D. Greek coins and their values / D. Sear. – London : Spink and Son Ltd., 2006. – 316 p.
27. Sear D. Roman coins and their values / D. Sear. – London : Seaby, 1994. – 388 p.
28. Simmel G. The philosophy of money / G. Simmel. – London : Routledge, 2004. – 616 p.
29. The Europa series: security features [Электронный ресурс] // European Central Bank, 2014. – Режим доступа: https://www.ecb.europa.eu/euro/pdf/material/discover10/WEB_ECB_Public_BRO_10Euro.en.pdf?1c4892eea24fe0e0a6149872c928c2b3.
30. Viešnoryja [Электронный ресурс] // Viešnoryja, 2017. – Режим доступа: <https://vie.today/>.

REFERENCES

1. Bony, talery, prakapeiki: belaruskija groshy, yakikh ne bylo i nia budze [Bons, talers, prakopeks: Belarusian money which never existed and never will], (2015). Radio Svaboda. Retrieved from <https://www.svaboda.org/a/27347582.html>.
2. V Vilniuse naideny ostanki Kastusia Kalinovskogo. S tochnosti 95 protcentov [The remains of Kastus Kalinovski found in Vilnius. Accuracy 95 percents], (2019). TUT.BY News. Retrieved from <https://news.tut.by/culture/630511.html>.
3. Golovashina, O., Linchenko, A. (2017). Razmenivaya proshloe: istoricheskaya pamiat, dengi i natsionalnaya identichnost v Rossiiskoi imperii i Tsentralnoi Evrope vo второй polovine XIX – nachale XX vv. [Exchanging the past: historical memory, money and national identity in the

Russian Empire and Central Europe in second half of 19th – early 20th centuries]. *Bylye Gody*, 46(4), 1433–1442.

4. Kiseleva, E. (2006). Takikh deneg mir eshche ne videl [The world has seen this money not]. *Vodianoi znak*. Retrieved from <http://www.vodyanoyznak.ru/magazine/33-34/634.htm>.

5. Kuzniatsou, S. (2006). Simvolika groshaŭ: finansy i gistorychnaia sviadomast Ukrainy, Litvy i Belarusi [The symbolism of money: finances and historical consciousness in the Ukraine, Lithuania and Belarus]. *The Political Sphere*, 7, 54–62.

6. Belarusian Notafily. (2018). Legendarnye banknoty so Skorinoi i Bogdanovichem [Legendary banknotes with Skoryna and Bohdanovich]. Retrieved from <http://belbonistika.com/?p=7176>.

7. Mas'ko, I. (2019). Belorusskomu rubliu – 25! [Belarusian rouble – 25!]. *Bankovski vestnik*, 9, 65–72.

8. National Bank of Vieshnoryja. (2019). Pamiatnaia maneta Tadevush Kastciushka [Commemorative coin Thaddeus Kosciuszko]. Retrieved from <http://nbnv.by/etk>.

9. Orlov, A. (2008). *Bumazhnye denezhnye znaki v Belarusi [Paper Money in Belarus]*. Minsk, Minsk Factory for Colour Printing.

10. Svoi rubel lepsz, chym nech, [One's own rouble is better than someone else's], (2016). Radio Svaboda. Retrieved from <https://www.svaboda.org/a/svoj-rubel-lepsy-cym-niecy-liavon-bartlau/27795467.html>. (In Belarusian).

11. Filipovicz, H. (1996). The daughters of Emilia Plater. In P. Chester & S. Forrester (Eds.). *Engendering Slavic literatures*. Bloomington, Indiana University Press, 34–58.

12. Shtalenkova, K. (2018). *Dengi i ideologija: [R]evoliucija belorusskosti dlinoi v 100 let [Money and ideology: hundred years' [R]evolution of Belarusian-ness]*. Vilnius, EHU.

13. Benjamin, W. (1979). *One-way street and other writings*. London, NLB.

14. Billig, M. (1995). *Banal nationalism*. London, Sage Publ.

15. Helleiner, E. (1998). National currencies and national identities. *American Behaviour Scientist*, 42(10), 1409–1436.

16. Helleiner, E. (2003). *The making of national money: territorial currencies in historical perspective*. London, Cornell University Press.

17. Kakavas, G. (2016). Hellenistic royal portraiture on coins. In C. Picon & S. Hemingway (Eds.). *Pergamon and the Hellenistic kingdoms of the ancient world*, (70–76). New York: Metropolitan Museum of Art.

18. Lauer, J. (2008). Money as mass communication: U.S. paper currency and the iconography of nationalism. *The Communication Review*, 11(2), 109–132.

19. McGinley, Ch. (1995). *Coining nationality: race and gender in late 19th century American monetary and literary texts*. Riverside, University of California.

20. Milczak, Cz. (2002). *Katalog polskich pieniedzy papierowych od 1794 [The catalog of Polish paper money from 1794]*. Warszawa, Centrum Warszawski Numizmatyczny.

21. Gilbert, E. & Helleiner, E. (Eds.). (1999). *Nation-states and money: the past, present and future of national currencies*. Amsterdam, Psychology Press.

22. Parchimowicz, J. (2017). *Katalog Monet Polskich [The catalog of Polish coins]*. Szczecin, Wydawnictwo NEFRYT.

23. Penrose, J. (2011). Designing the nation. Banknotes, banal nationalism and alternative conceptions of the state. *Political Geography*, 30(8), 429–440.

24. Pick, A. (1994). *Standard catalog of world paper money: general issues*. Iola, Krause Publications.

25. Ranciere, J. (2004). *The politics of aesthetics. The distribution of the sensible*. London, Continuum International Publishing Group.

26. Sear, D. (1994). *Roman coins and their values*. London, Seaby.

27. Sear, D. (2006). *Greek coins and their values*. London, Spink and Son Ltd.

28. Simmel, G. (2004). *The philosophy of money*. London, Routledge.

29. European Central Bank (2014). The Europa series: security features. Retrieved from https://www.ecb.europa.eu/euro/pdf/material/discover10/WEB_ECB_Public_BRO_10Euro.en.pdf?1c4892eea24fe0e0a6149872c928c2b3.

30. Vieshnoryja. (2017). Vieshnoryja. Retrieved from <https://vie.today/>.

Надійшла до редколегії 04.09.20

K. I. Шталенкова, магістр соціології, докторант програми з філософії, асист. Академічного департаменту гуманітарних наук і мистецтв Європейського гуманітарного університету, вул. Савічіяус, 17, м. Вільнюс, 01127, Литва

ЗОЛОТИЙ СТАНДАРТ НАЦІЇ: ЗНАЧЕННЯ ПЕРСОНІФІКАЦІЇ В ДИЗАЙНІ НАЦІОНАЛЬНИХ ВАЛЮТ СХІДНОЇ ЄВРОПИ

Розглянуто значення персоніфікацій у дизайні національних валют Східної Європи в XIX–XXI ст. Зазначений регіон представляє особливий інтерес як простір прикордоння з активною символічною боротьбою на політичному, соціально-економічному й культурному рівнях. Дизайн грошей – ідеологічний інструмент, пов'язаний із формуванням колективної культурної традиції та історичної пам'яті, а процес розробки національних наративів чутливий до актуалій, в умовах яких він формується. На основі візуального аналізу грошових знаків, які були в обігу в означений період на територіях Білорусі, Литви, Польщі, Росії та України, автор робить висновок, що персоніфікації держав використовуються лише в дизайні грошей Російської імперії та Польщі часів диктатури Ю. Пілсудського. Решта зображень людей переважно поділяються на дві категорії: відомі історичні діячі-чоловіки або алегоричні жіночі постаті, які репрезентують патріархальні цінності.

Ключові слова: білоруський рубль, гривня, дизайн грошей, ідеологія, історична пам'ять, літ, національний наратив, персоніфікація, польський злотий, російський рубль.

K. I. Shtalenkova, MA in Sociology, PhD Student at the Program of Philosophy Assistant Lecturer in the Academic Department of Humanities and Arts, European Humanities University 17, Savičiaus Street, 01127, Vilnius, Lithuania

THE GOLDEN STANDARD OF THE NATION: THE SIGNIFICANCE OF PERSONIFICATIONS IN THE DESIGN OF NATIONAL CURRENCIES IN EASTERN EUROPE

This article investigates the significance of personifications depicted on national currencies of Eastern Europe in the 19th – 21st cent. Eastern Europe is considered as a region of high research potential due to its status of borderland space with active symbolic struggle on political, socioeconomic and cultural levels. Currency design is an ideological tool that defines collective cultural tradition and historical memory, while national narratives vary in their response to the conditions of their formation. Basing on the visual analysis of money that circulated on the territories of Belarus, Lithuania, Poland, Russia and the Ukraine, the author outlines main categories of human depictions used in the currency design of the states that emerged in the region during the mentioned period. In the 19th cent., most widespread were money of the Russian Empire featuring the emperors and state representation Mother Russia. After the October Revolution in 1917, new states emerged in the region, but no personifications were used in their currency design. Human depictions of that time featured either ordinary people correlating with socialist movements or notable persons denoting political and cultural authenticity of certain state. Another category of human depictions was allegorical feminine figures representing patriarchal values and reproductive resources. Most remarkable examples of this type are Polish coins depicting state representation Polonia (or queen Jadwiga) as well as Polish banknotes with Mother Poland and national heroine Emilia Plater, both issued during the dictatorship of Józef Piłsudski. Contemporary issues of money use no state representations, preferring instead either notable people, mostly men among them, or introducing other means of cultural representations not related to human depictions. Thus state representations used in the designs of national currencies become less popular in the 21st cent. due to globalisation and de-materialisation of money.

Key words: Belarusian rouble; currency design; historical memory; hryvnia; ideology; litas; national narrative; personification; polish zloty; Russian rouble.